

Поколение героических романтиков в романе «Завтра была война» (1984)¹

«Романтический глянец выветрился из нас как-то сразу. Но романтика, к счастью, осталась до сих пор»,- сказал однажды Борис Васильев. Вряд ли он знал о судьбах своих одноклассников, мотаясь в окружении по лесам Смоленщины. Лишь после войны пришлось подсчитывать: «из сорока человек, закончивших когда-то 7 «Б», до седых волос дожили девятнадцать. А из всех мальчишек, что смотрят на меня с фотографии, в живых осталось четверо».

Думал ли тогда ополченец Боря Васильев, что из Воронежа, где он закончил школу № 5 (отца, красного командира, незадолго до войны перебросили из Смоленска в Воронеж) и где, собственно, происходит действие романа «Завтра была война», он вновь окажется у себя на родине, в Смоленске, в Высоком, зимой 1992 года...

За датую – дата,

Простой человеческий путь...

Все больше

«когда-то».

Все меньше

«когда-нибудь».

Погода внезапная,

но к людям, как прежде, добра.

Все крохотней

«завтра».

И все необъятней

«вчера».

Найти бы опору

для этой предзимней поры.

---

¹ Из книги В. Карнюшина «Долг чести, памяти и память всех чувств. Военная проза Бориса Васильева». Смоленск: «Универсум», 2002. – с.25-44.

Как долго мы –
в гору.
За что же так быстро –
с горы ?!
Остаток терпенья
колотится в левом боку...
Все реже:
«успею».
И все невозможней:
«смогу».

Р. Рождественский. «Борису Васильеву...»

«Искра Полякова писалась с моей супруги - Зори Альбертовны». Сегодня, спустя 60 лет, жена Бориса Львовича всё такая же: живая, везущая на себе все хозяйство большого дома, требовательная и настойчивая («Искра говорила, что будет так, и мы терпели»). Но что-то все же изменилось: они стали мягче и терпимее.

У романа «Завтра была война», одной из самых популярных книг России в первые пять лет перестройки (роман опубликован в 1984, за год до официального объявления всех ограничений свобод), нет злых героев. Все персонажи, ровесники писателя, безмерно добры. Впрочем, иным и не могло быть поколение героических романтиков 30-х годов, впитавших в свою кровь светлые идеалы, веру в справедливость людей, творящих добро.

«А еще мы с детства играли в то, чем жили сами. Классы соревновались не за отметки или проценты, а за честь написать письмо папанинцам. Или именоваться «чкаловцами», за право побывать на открытии цеха завода или выделить делегацию для встречи испанских детей». Это был не просто пафос будней, это был пафос жизни, главным вкусом и запахом которой была «ненависть к фашизму, переполненные сердца и четыре апельсина» («Я и сегодня помню особый запах этих апельсинов»). Они искренне жаждали и «хотели», чтобы их судьба была «суровой», и стремились «затянуться потуже, точно каждое мгновение «их ожидал строй», «точно от одного» их «вида зависела готовность этого общего строя к боям и победам». Но они, как и сегодняшняя молодежь, не знали, «что подвиг надо сначала посеять

и вырастить». Однако у них было ЧТО «сажать» и ЧТО «выращивать». Это не громкие слова или красивая фраза. Они действительно *жили единой жизнью со страной и общими мыслями*, потому что у них было с кого брать пример: «я и сейчас помню эту исколотую штыками, исполосованную ножами и шашками спину в сплошных узловатых шрамах. Там не было живого места - все занимал этот сине-багровый автограф гражданской войны». Гордость и уважение за дела отцов - вот основа их воспитания.

Идеалом для Искры была ее непреклонная, суровая и упрямая мама, для которой слово «комиссар» было «символом веры, чести и символом ее юности. Слабость была антиподом этого вечно юного и яростного слова, и Искра презирала слабость пуще предательства». Мать Искры была «совестью» своего героического времени. «Совестью класса стала и ее дочь». И это была не «должность - это было призвание, долг, путеводная звездочка судьбы».

Но при единой цели в жизни, при всеобщем пафосе, они все же были разные. И это было важно, потому что при общем портрете получится какой-нибудь среднестатистический типаж. А так, они дополняли, обогащали друг друга: Искра, Зиночка и Вика Люберецкая.

Автор неоднократно подчеркивает их возраст - 16 лет. Время, когда девочки думают уже о том, что когда-нибудь они из «Комсомолок» обязательно превратятся в «Женщин». И вряд ли можно согласиться с мнением критики тех лет, что единственной особенностью Зиночки была «ветреность».

Портрет Вики гармоничен. В ней было как раз всего в меру: и идей, и чувств. И соперничество, которое было у нее с Искрой, не могло привести ни к каким «разборкам» после уроков. Просто потому, что это соперничество было *благородным и осмысленным*, а значит, цельным. Жалко лишь одного. Всю цельность и совершенство Вики как женщины и человека Искра поймет и оценит потом, когда уже ничего сделать будет нельзя, когда Вика покончит с собой. Она так и останется навсегда в их памяти как человек, взгляд которого «словно проникал сквозь собеседника в какую-то видную только Вике даль, и даль эта была прекрасна, потому что Вика всегда ей улыбалась»².

В романе при всем конкретно-историческом аспекте темы вовсе нет той политики, о которой все говорило в недавних 90-х годах. 37-ой год с его репрессиями здесь как фон, как подтекст, как знак, тревожный и кровавый, но все же лишь фон. **Пафос** – коллективно-

---

² Васильев Б. Л. Собрание сочинений в 8-ми томах. Смоленск, 1994. Т. 3. С. 28. Здесь и далее цитируется по указанному сочинению. Первая цифра означает том, вторая – страницу; курсив – В. К.

героический. Но вот *лейтмотив* все же лирический. Необычайно нежный и праздничный. Арест Люберецкого, козни Валендры, отставка любимого всеми директора школы - где-то далеко, и это как бы не главное. Нет, конечно, об этом никто не забывал, все хорошо представляли, в какое время они живут. Но это знали «старшие» герои романа, отцы, а вот дети... Они вступили в пору, когда жизнь видится исключительно в светлых и даже пастельных тонах. Они влюблялись, выясняли отношения, проявляли характер, ревновали, смеялись, разбивали микроскопы, вертелись у зеркал, одним словом - *учились брать от жизни все и учились у жизни всему*: и хорошему и плохому.

Однако при всем этом нагромождении обыкновенных житейских шалостей и вовсе не житейских, а для многих поистине «шекспировских страстей», есть вещи для них, для их уровня воспитания принципиальные. Эти моменты в жизни, пожалуй, самые сложные и важные. В эти моменты ты должен сделать, быть может, свой окончательный выбор, определить для себя раз и навсегда - порядочный ты человек или непорядочный.

Кульминацией событий романа Васильев решает сделать арест Люберецкого и как следствие - самоубийство его дочери Вики. Кульминация выпадает практически на концовку романа, и именно она - проекция во взрослую жизнь ребят: они вмиг переступили в юность.

«Мое поколение, у которого не было юности, потому что на нашу юность пришлась война. А ведь без юности, этого очень важного времени формирования человеческой личности, не может быть полноценной зрелости», - скажет позже Борис Львович Васильев. И хотя у ребят из 8 «Б» её действительно не было, почувствовать её они могли сполна и вдохнули её полной грудью.

Почему на войне были девушки, которые, не задумываясь, вступали в схватку с немецкими десантниками практически голыми руками, почему были Коли Плужниковы, которые отдавали самим себе приказы «стоять на смерть», хотя и в списках даже не значились? Почему они были, где брали свой запас мужества и стойкости? Почему не посрамили память своих отцов? Ответы на эти в общем-то банальные вопросы мы найдем в романе «Завтра была война». Если внимательно изучить цепочку поступков главных героев в мирной жизни, связь поколений, то *природа героического* станет предельно ясна. ***Военный героизм Плужниковых, Бричкиных, Осяниных, Васковых есть следствие их довоенной романтики, а вся их жизнь не что иное, как история негероической повседневности.***

Разложив роман на привычные и удобные завязку, развитие действия, кульминацию, развязку, мы вряд ли сможем почувствовать и увидеть историю жизни ребят 30-х годов, ребят, которым предстоит вскоре выиграть самую страшную и кровавую войну в истории своей страны. Сегодняшнему юному и уже совсем далекому от этих событий читателю, думается, куда полезнее будет **рассмотреть характеры и типы** их сверстников, изучить **сложный психологизм их образов и вникнуть в личностный аспект персонажей**.

Идеалы и общий пафос мы увидели. А какова среда, круг их общения?

Вот образ директора школы Николая Григорьевича Ромахина и его первая встреча-стычка с железным канцлером идей, учителем литературы, которая писала письма «на всякий случай», но все же «куда следует», Валентиной Андроновной. Директор распорядился повесить зеркала.

« - Жизнь бушует!

- Страсти преждевременно будим, - поджимала губы Валентина Андроновна.

- Страсти – это прекрасно. Хуже нет бесстрастного человека. И поэтому надо петь!»

Вообще при анализе образа директора вряд ли нужно что-либо комментировать, писатель предельно четко и ясно все объясняет: «Он не любил установок, а тем паче - указаний, и учил не столько по программе, сколько по совести большевика и бывшего конармейца»; «может, за эти рассказы, может, за демократизм и простоту, за шумную человеческую откровенность, а может, и все разом любили директора школы. Любили, уважали, но и побаивались, ибо директор не терпел наущничанья и, если ловил лично, действовал сурово. Впрочем, озорство он прощал: не прощал лишь озорства злонамеренного, а тем более жульничества»(3, 35, 35).

Эта вводная «положительная» характеристика так и остается до конца произведения. И с каждой новой перепиской уже не внешняя характеристика главенствует, а поступки директора говорят сами за себя. И с каждым новым, неожиданным и нелепым поползновением-подозрением Валендры Николай Григорьевич одерживает верх.

Еще более решительный отпор он дает Валендре, когда «дело Люберецкого» «запутывается» сильнее. Вот учительница обнаружила любовное письмо в тетради ученицы. Она в истерике прибегает к директору:

« - Девочка играет в любовь, ну и пусть себе играет. Все естественное разумно...» и положил к себе в карман.

« - Я категорически протестую. Вы слышите, категорически! ...»

Не выдерживает тогда директор (быть может, впервые за все свое пребывание в школе): «Запомните: не было никакого письма. Самое страшное - это подозрение. Оно портит людей, делая из них подлецов и шкурников» (3, 49).

Директор выигрывает не просто **нравственный бой**, он доказывает право каждого человека на жизнь, простую и естественную, а не заранее кем-то заданную.

Но время было, к сожалению, страшное. Стремление вести «открытый бой» за «советскую школу» делало людей не просто заложниками времени, но и заложниками совести. И Валендра все же одерживает победу, но не потому, что это нужно было государству, партии, лично товарищу Сталину или кому-то еще. Вовсе нет. Просто она ненавидела «директорские беседы, спевки в спортзале, зеркала в девичьих уборных и вообще весь этот слюняйский либерализм, который следовало выжигать каленым железом» (3, 79). И директор все понял. Он опасался, с каждым днем опасался, и за себя и, главное, за «нормально развивающихся» детей. Перед «экстренным комсомольским собранием» его взгляд «устало-покорный», и весь вид его уже походит на ту смятую бумагу-письмо.

Решающей «схваткой» непримиримой Валендры становится собрание, на котором она хотела «заставить» ребят «решить судьбу» Вики Люберецкой. Хрестоматийная фраза из пушкинского «Бориса Годунова» «народ безмолвствует» здесь читается по-особому. Народ, класс, не просто «безмолвствует», а упорно молчит. И как только звучат слова классного руководителя о «далеких от педагогики элементах», которые «стремятся сбить с толку отличных легковых учеников, а то и навязывают свою гнилую точку зрения», понимают, кого имеет в виду Валендра. И тогда они начинают «возмущенно гудеть». А тут еще представитель райкома партии при всех ее «поправил», что директор «еще не бывший». И класс это понял, понял и заулыбался, «заулыбался подозрительно и непримиримо» (3, 90 – 92).

«Кончилось наше детство, Зиночка», - скажет вскоре Искра.

В последней, девятой главе, эти уже совсем взрослые дети показывают, какие они на самом деле. Кажется, что все они, а не одна Искра, читают письмо Вики и осознают: «нельзя

предавать отцов». Раздавленный и опустошенный директор, Николай Григорьевич, которого «исключили из его родной партии», увидел в них нечто большее, чем компанию ребят, сплоченных единой бедой. Он увидел в них уже **утвердившуюся нравственную силу поколения**, вступившего вскоре в войну. Они всегда будут «противостоять подлости, клевете, ханжеству и несправедливости. Они отстают свою родину и свою идею во что бы то ни стало. «Были бы бойцы, а командиры всегда найдутся. А в этих бойцов я верю: они первый бой выдержали... Я верю в Вас, слышите? Верю, что будете настоящими мужчинами и настоящими женщинами! Верю, потому что вы смена наша, второе поколение нашей великой революции! Помните об этом, ребята. Всегда помните!» (3, 104).

«Кроме долга существует право», - так сказала неутомимый комиссар, товарищ Полякова. Право говорить и знать правду нельзя заглушить ни директивами, ни распоряжениями, ни догмами изрядно идеологизированного общества.

Общение с Викой открывает Искре глаза на эту правду, на право знать правду о жизни. Приведем обширную, но ценнейшую цитату для дальнейшего анализа:

«— Как ты представляешь счастье? — спросила Вика, потому что гостя погрузилась в раздумье.

— Счастье? Счастье — быть полезной своему народу.

— Нет,— улыбнулась Вика.— Это — долг, а я спрашиваю о счастье.

Искра всегда представляла счастье, так сказать, верхом на коне. Счастье — это помощь угнетенным народам, это уничтожение капитализма во всем мире, это — «я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать»; у нее перехватывало дыхание, когда она читала эти строчки. Но сейчас вдруг подумала, что Вика права, что это не есть счастье, а есть долг. И спросила, чтоб выиграть время:

— А как ты представляешь?

— Любить и быть любимой,— мечтательно сказала Вика.— Нет, я не хочу какой-то особой любви: пусть она будет обыкновенной, но настоящей. И пусть будут дети. Трое: вот я — одна, и это невесело. Нет, два мальчика и девочка. А для мужа я бы сделала все, чтобы он стал...— Она хотела сказать «знаменитым», но удержалась.— Чтобы ему всегда было со мной хорошо. И чтобы мы жили дружно и умерли в один день, как говорит Грин.

— Кто?

— Ты не читала Грина? Я тебе дам, и ты обязательно прочтешь.

— Спасибо.— Искра задумалась.— А тебе не кажется, что это мещанство?

— Я знала, что ты это скажешь.— Вика засмеялась.— Нет, это никакое не мещанство. Это нормальное женское счастье.

— А работа?

— А ее я не исключаю, но работа — это наш долг, только и всего. Папа считает, что это разные вещи: долг — понятие общественное, а счастье — сугубо личное.

— А что говорит твой папа о мещанстве?

— Он говорит, что мещанство — это такое состояние человека, когда он делается рабом незаметно для себя. Рабом вещей, удобств, денег, карьеры, благополучия, привычек. Он перестает быть свободным, и у него вырабатывается типично рабское мировоззрение. Он теряет свое «я», свое мнение, начинает соглашаться, поддакивать тем, в ком видит господина. Вот как папа объяснял мне, что такое мещанство как общественное явление. Он называет мещанами тех, для кого удобства выше чести.

— Честь— дворянское понятие,— возразила Искра.— Мы ее не признаем.

Вика странно усмехнулась. Потом сказала, и в тоне ее звучала грустная нотка:

— Я хотела бы любить тебя, Искра, ты — самая лучшая девочка, какую я знаю. Но я не могу тебя любить и не уверена, что когда-нибудь полюблю так, как хочу, потому что ты максималистка.

Искре вдруг очень захотелось плакать, но она удержалась. Девочки долго сидели молча, словно привыкая к высказанному признанию. Потом Искра тихо спросила:

— Разве плохо быть максималисткой?

— Нет, не плохо, и они, я убеждена, необходимы обществу. Но с ними очень трудно дружить, а любить их просто невозможно. Ты, пожалуйста, учти это, ты ведь будущая женщина.

— Да, конечно.— Искра, подавив вздох, встала.— Мне пора. Спасибо тебе... За Есенина.

— Ты прости, что я это сказала, но я должна была сказать. Я тоже хочу говорить правду, и только правду, как ты.

— Хочешь стать максималисткой, с которой трудно дружить? — насильственно улыбнулась Искра.

— Хочу, чтобы ты не ушла огорченной...— Хлопнула входная дверь, и Вика очень обрадовалась.— А вот и папа! И ты никуда не уйдешь, потому что мы будем пить чай.

Опять были конфеты и пирожные, которые *так странно есть не в праздники*. Опять Леонид Сергеевич шутил и ухаживал за Искрой, но был задумчив: задумчиво шутил и задумчиво ухаживал. А иногда надолго умолкал, точно переключаясь на какую-то свою внутреннюю волну.

— Мы с Искрой немного поспорили о счастье,— сказала Вика.— Да так и не разобрались, кто прав.

— Счастье иметь друга, который не отречется от тебя в трудную минуту. — Леонид Сергеевич произнес это словно про себя, словно был еще на той внутренней волне.— А кто прав, кто виноват...— Он вдруг оживился.— Как вы думаете, девочки, каково высшее завоевание справедливости?

— Полное завоевание справедливости — наш Советский Союз,— тотчас ответила Искра.

Она часто употребляла общеизвестные фразы, но в ее устах они никогда не звучали банально. Искра пропускала их через себя, она истово верила, и поэтому любые заштампованные слова звучали искренне. И никто за столом не улыбнулся.

— Пожалуй, это скорее завоевание социального порядка,— сказал Леонид Сергеевич.— А я говорю о презумпции невиновности. То есть об аксиоме, что человеку не надо доказывать, что он не преступник. Наоборот, органы юстиции обязаны доказать обществу, что данный человек совершил преступление.

— Даже если он сознался в нем? — спросила Вика.

— Даже когда он в этом клянется. Человек — очень сложное существо и подчас готов со всей искренностью брать на себя чужую вину. По слабости характера или, наоборот, по его силе, по стечению обстоятельств, из желания личным признанием облегчить

наказание, а то и отвести глаза суда от более тяжкого преступления. Впрочем, извините меня, девочки, я, кажется, увлекся. А мне пора.

— Поздно вернешься? — привычно спросила Вика.

— Ты уже будешь видеть сны.— Леонид Сергеевич встал, аккуратно задвинул стул, поклонился Искре, озорно подмигнул дочери и вышел».

Заряд нравственной правды, полученный Искрой после такого общения с Люберецкими, не исчезнет никогда, он лишь укрепитя со временем, окрепнув в ней до конца. И хотя мудрая, но осторожная мама страшно боялась за будущее своей дочери. Она не могла не видеть этого, не могла не быть в глубине души довольной тем, что дочь никогда не предаст и не изменит. «Будущее - это чистая совесть». Данную формулу хорошо усвоила Искра, а потому в ее жизни «не могло быть ничего вторичного». Непримиримость, ответственность, самопожертвование, неиссякаемая вера в идею и преданность - качества характера Искры. Они помогли ей выстоять, хотя и не спасли от смерти. Впрочем, как и многих молодых и полных сил...

Над землей бушуют травы,

Облака плывут как павы.

А одно, вон то, что справа, -

Это я... это я... это я –

И мне не надо славы.

Ничего уже не надо

Мне и тем, плывущим рядом.

Нам бы жить – и вся награда.

Нам бы жить, нам бы жить, нам бы жить –

А мы плывем по небу.

Эта боль не убывает.

Где же ты, вода живая?

Ах, зачем война бывает?

Ах, зачем, ах, зачем, ах, зачем –

Зачем нас убивают?

А дымок над отчей крышей

Все бледней, бледней и выше.

Мама, мама, ты услышишь

Голос мой, голос мой, голос мой? –

Все дальше он и тише.

Мимо слез, улыбок мимо

Облака плывут над миром.

Войско их не поредело.

Облака, облака, облака –

И нету им предела...

В. Егоров. Посвящение выпускникам школ 1941 года.

***

Рассмотрим теперь некоторые литературоведческие аспекты времени и пространства, тем более что именно они в свое время были подвергнуты резкой критике конца 80-х годов. Это важно по крайней мере с двух точек зрения: насколько сегодня, когда литературоведческий подход к изучению произведений изменился в принципе, уместна подобная критика и насколько заглавие произведения работает на этот аспект¹.

Жанр воспоминаний предполагает, конечно же, некоторую дистанцированность от времени, которое было. Однако в этом случае, кажется, автору удалось передать всю действительность и правду времени прошедшего, хотя и, безусловно, глазами сегодняшнего человека, человека опытного и повидавшего на своем веку немало. Однако во время опубликования романа (журнал «Юность», 1984 год) вышел ряд статей, в которых

---

¹ Введение в литературоведение. Учебник для высшей школы. М., 2000.

подвергалось сомнению художественное время и пространство, заявленные писателем. Это в первую очередь касается критических статей И. Дедкова («Новый мир») и В. Савина («Лит. России»)².

Так В. Савин утверждает: «Задача искусства - убедить нас в том, что не могло быть иначе. Этого в повести нет. Это более-менее удачная иллюстрация того, что было». Но оспаривая данное замечание, скажем и о том, что задачей художественной литературы, как и искусства в целом, является рассказ-предположение: как это могло было быть. А раз так, то и «Война и мир» Л. Толстого, и «Яма» Куприна о том, как это могло бы быть на самом деле. М.Бахтин дал определение художественного произведения вообще очень просто: «это сказанное писателем, поэтом слово о мире». Прописной истиной является и то, что *мышление* отражает объективный мир, а *литературное произведение* как раз наоборот - субъективное отражение объективного. Это активное, личностное отражение не просто жизни, но и ее творческое преобразование. И уж совсем простым и ясным является то, что есть, например, в новом пособии по литературоведению: «Если мы выискиваем в художественном произведении только объективное, то снижается значение искусства как самостоятельной формы духовной деятельности»¹. Это-то и называется **«иллюстративностью искусства»**. Данное замечание в полной мере относится и к статье ныне покойного И. Дедкова (и даже статьям, поскольку автор в свое время опубликовал такую же нелепо-обличительную статью и о романе «Не стреляйте в белых лебедей»).

Вычисление формулы «а было ли это на самом деле», «а могло ли это все быть именно так» приводит к тому, что мы напрочь вычеркиваем наиважнейший элемент художественного произведения как произведения искусства, **авторскую субъективность и право автора на эту субъективность**. Мы не учитываем, таким образом, главного - эмоционально-мыслительного процесса творчества, т. е. **игнорируем ведущую функцию произведения – эстетическую**. Если произведение не тронуло душу, то труд писателя пропал даром. Содержание реальной исторической жизни или научной истины можно воспринять холодно и равнодушно, но **содержание художественного произведения - просто необходимо пережить, чтобы понять**.

---

² Дедков И. Наше живое время // Новый мир, 1985. № 3; Савин В. Правда одна на всех // Литературная Россия, 1985, 31 мая.

¹ Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1999. С. 7.

И. Дедков: «Припоминаю роман, где на первых страницах героиня бежит нагая во ржи. Это как-то захватывало. Здесь у Б. Васильева все начинается с того, что девочка Зиночка раздевается дома перед зеркалом. Воспроизведен этот факт с тонкими и популярными у нынешних мастеров художественного письма подробностями и с немалой психологической неправдой всего описания, где вместо наивности искусственность»². И далее, практически до самого конца статьи (а это 4-е абзаца на целую страницу из 5-ти страниц об этом романе) идут пространные размышления о «неправде», изображенной Васильевым, с риторическим восклицанием-вопросом типа: «популярный постэротизм», который не способен «что-либо добавить к нашим представлениям о людях предвоенной поры» и «о детях тех далеких лет», что в результате приводит И. Дедкова к еще более безапелляционному: **«это почти неременная пошлость»**.

А есть ли этот злосчастный «популярный постэротизм»? Откуда это нежелание «видеть» текст и предвзято анализировать образы романа? Почему вообще допускаются обвинения в «пошлости»?

Каждый из нас проходит свой период сексуального взросления во время переходного возраста. И мало кто скажет, что он не вертелся у зеркала, рассматривая свое еще недоразвитое тело. Это нормально и объяснимо. И нет необходимости здесь перечислять огромное количество книг по психологии и сексологии, от З. Фрейда до А. Кона, доказывая, что этого не может быть и что это «нормальность человеческого поведения» и уж тем более не пошлость. Здесь ведь совсем другое, чего не хочет видеть И. Дедков.

Да, действительно, подобная сцена мало что добавит в наши знания и представления о жизни «детей предвоенного времени». Это лишь одна из деталей, убедительно характеризующая *отличие* Зиночки Коваленко от Искры Поляковой.

Коммунистическая идеология воспитывала человека «борцом» - и непременно «за идеалы коммунизма». Именно поэтому, воспитанная на постоянных глаголах повелительного наклонения «постирать», «погладить», «почистить», «прокипятить», «подмести», идею рассмотреть себя в зеркале и скинуть, наконец, осточертелую «зимнюю» нижнюю одежду, застегивающуюся чуть ли не до горла (это табу в свое время прекрасно описал Е. Замятин в романе «Мы»), и увидеть в себе женщину, «почувствовать взгляд: пристальный,

---

² Дедков И. Наше живое время // Новый мир, 1985. № 3. С. 237.

оценивающий, мужской», Искра восприняла бы «почти преступной». Нет, не прав, исключительно не прав был И. Дедков, называя эту сцену «пошлой»!!!

Васильев *очень нежно и крайне бережно* описывает Зину. Он говорит, что эти мысли не просто «страшили» ее, но и «стыдили». *А стыд присущ как раз нравственным людям и - детям.*

И вовсе не «пошло», а по-детски наивно, Зиночка «сердито хлопала» руками по бедрам. И... взгляд автора останавливается - «талиа уже образовалась». Скажите, какую девочку это не обрадует?! Ведь она уже чувствует себя взрослой. На нее впервые (!) оценивающе (!) посмотрели мужчины, а «коленки еще не округлились и торчали, как у девочки-пятиклассницы». Ну как тут не зареветь *от досады* (но не от *стыда!*). А вы со своим моралистическим «табу»: «Об этом говорить пошло!» Да разве так можно с девочкой-девятиклассницей?!

«И тут раздался звонок». Вошла Искра. Приятный, томный трепет в теле Зиночки мгновенно меняется на «страх». Это и понятно. Ведь если Зиночка «приподымает грудь» и видит, что это уже что-то взрослое, полное *будущих ожиданий*, то для Истры «будущим ожиданием» была неустанная «напористость» в достижении наивысшей цели человека-борца. Это «будущее ожидание» светлого завтра – счастье и освобождение всего угнетенного человечества.

И здесь не могло быть иного. Она воспитана «комиссаром гражданской войны», смыслом жизни которой было истовое служение народу, его счастливому будущему. Искра безусловно уже другая (не без влияния бесед с Люберецкими и чтением стихов «упаднического» Есенина; кстати, И. Дедков негодует еще и от того, что какой уж это «подвиг» - чтение стихов Есенина над гробом Вики; слава богу, что сегодня мы имеем право говорить о том, что подвигом может быть и самый заурядный, бытовой поступок), но вот в отношении к общественному долгу – «плоть от плоти мать»¹: «У Искры не могло быть ничего второго: ни любви, ни школьных отметок, ни места в жизни».

Театральный критик Н. Исмаилова в рецензии на известный в то время спектакль по роману на сцене театра им. Маяковского (режиссер Андрей Гончаров) отмечает еще более важную деталь образа Искры при сопоставлении ее с образом учительницы литературы, метко подмеченную актерами: «Валендра – нервная и угловатая, стремительная, вся как

---

¹ Юдин В. Поколение победителей // Подъем. 1985. № 6. С. 137.

восклицательный взгляд, без сомнений и пауз на раздумывания. У нее фатально-механическое, унифицированное людское сознание, душа, поступки. Но когда ее острый взгляд буравит Искру, кажется, он не проходит насквозь это нежное и мужественное сердце, а утопает, увядает, теряется в нем. *Искра смотрит прямо, отвечает честно. Кажется, всем ее существом руководит одно только устремление, одна только вера и истина»*².

«Слабость» Зиночки – антипод «вечно» юного и «яростного слова» Искры, «и Искра презирала слабость пуще предательства». Зиночка, безусловно, слабая по духу и потому позволяет «интересоваться своим телом». Искра и физиология, природная естественность – несовместимы. Образ таких Искр мы увидим в «Неопалимой купине» Бориса Васильева. Главная героиня, забеременев на войне, приходит к военврачу:

- Вырезайте.
- Лейтенант Иваньшина, подумайте...
- Мне воевать надо, а не рожать. Я этому больше обучена.
- Антонина, пойми, это же очень опасно для будущего. Ты женщина, у тебя есть долг.
- Рожать – это не долг, это физиология. Долг – умирать, когда не хочется» (1, 409).

«Подлинное горе – это отсутствие чувств», – сказал кто-то из современных классиков. Но Искра уже была другой, поэтому она эту мысль знает и чувствует; потому что «три года назад она сделала страшное открытие: мама несчастна и одинока». Полностью принимая на себя «общественный долг» своей матери, Искра соглашается с ней, желая служить именно такому «долгу», но все же понимает, к чему *это* может привести. Поэтому «жалеет и очень любит» свою «резкую, крутую, негибаемую», но «глубоко несчастную» мать. Но это совсем иное отношение, нежели то, о котором говорит И. Дедков: «наказания [мать часто «порола» Искру ремнем – В. К.] были необъяснимы, но Искра как ни в чем не бывало не чаяла в матери души, считала ее идеалом комиссара... Странно? Невероятно? Вы попытаетесь все это как-то связать, обнаружить какую-нибудь логику в поступках, в чувствах – пустое занятие».¹ Что же тут «странного» и «невероятного»? Не видеть явное и естественное в человеческих отношениях, в отношениях матери и дочери – не такое уж алогичное занятие.

---

² Исмаилова Н. Любить и ненавидеть // Москва. 1988. № 1. С. 184.

¹ Дедков И. Указ. соч. С. 238.

У этого «печально известного класса» в будущем, в их «завтра» остался **один единственный долг – «умереть, когда не хочется»**, когда жизнь так прекрасна и неповторима.

Миллионы патриотично настроенных и непатриотично настроенных русских людей войдут в эту войну, ни на секунду не задумываясь, забыв все обиды, всю горечь, все побои «сталинского ремня». И даже Иван Бунин, пожалуй, самый непримиримый противник советской власти, страстно обратился с мольбой ко всем - защищать Родину. Что тут «нелогичного»? **Просто Родина, как и мать, у каждого одна и на всю жизнь: «резкая, крутая, несгибаемая» и, к сожалению, «глубоко несчастная». Иной у нас просто нет!**

Безапелляционно назвав художественное произведение Б. Васильева «полуправдой, полуисторизмом», И. Дедков лейтмотивом проводит мысль: «Вот оно как было!» - должны подумать миллионы юных читателей романа». Почему именно об этом «должны подумать» юные читатели, мало беспокоит оппонента Б. Васильева. Но это не может не беспокоить сотни учителей, которые каждый год изучают роман на уроках литературы в старших классах (несмотря на то, что роман продолжает игнорироваться обязательной государственной программой). Поверим учителям. Дети задают не этот вопрос, их взгляды устремлены к иному, более значимому, на что, увы, многие критики того времени (да и сейчас!) просто не обращают внимания.

Не менее известный театральный критик Юлиу Эдлис акцентирует свое внимание на эмоциональной стороне произведения, что является основным, а не на достоверных исторических фактах:¹

«Это рассказ о времени, которое каждый из нас носит в себе, как безошибочную точку отсчета всего, что было с ними, с тем поколением, а значит, и с нами, их наследниками, тогда, когда они из мальчиков становились юношами, из юношей – мужчинами, и того, что было с ними потом, назавтра, в войну и после войны, как и того, что с ними и с нами происходит сейчас. Со всеми. Всегда».³

---

¹ Вспомните в связи с этим один реально произошедший случай. Театр Маяковского и его гл. реж. Ан. Гончаров в 89 году повез спектакль по роману в Англию. Спектакль шел на сцене Лондонского Национального театра. Синхронный перевод читала известная актриса современности Ванесса Редгрейв. Она настолько сжилась с происходящим на сцене, настолько взволнованно и эмоционально читала, что зрители плакали вместе с ней.

³ Эдлис Ю. Завтра, которое всегда в настоящем // Литературная газета. 1986, 7 мая.

Вал. Юдин акцентирует внимание на ином аспекте: «Роман о том, почему победа была неизбежной, о том, откуда есть и пошло наше поколение победителей».⁴ А Н. Орехова говорит о пафосе: «Исторически достоверно показан духовный максимализм поколения, ностальгия по чистому, трагическому и все же прекрасному времени».⁵

Ностальгическая пастораль! Вот, думается, самое лучшее определение романа Б. Л. Васильева «Завтра была война». Соглашаясь с верным выводом Н. Ореховой о том, что в центре «ностальгия по чистому, трагическому и прекрасному времени», добавим, что здесь даже ощутима *тоска по идеалу человека*, который мог бы явиться миру, не будь на его пути войны. Именно об этом написано в книге С. Николаевой «Дети и война». И если И. Дедков убежден, что произведение Б. Васильева есть «миф о босоногом детстве», то С. Николаева, анализируя детскую литературу о войне Г. Бакланова, А. Платонова, А. Приставкина, В. Белова, С. Алексиевич, А. Генатулина и др., говорит об обратном: ***«как сложно и неоднозначно происходит освобождение от всякого рода идеологических «мифов».***

Так, полемизируя с уже упомянутым И. Дедковым, обращающим внимание еще и на то, что роман «перенасыщен сентиментальностью», с «чрезвычайными литературно-романтическими нажимами» и особенно в последней сцене послевоенной встречи в школе, С. Николаева выдвигает, безусловно, верный тезис о «светлой патетике повести»: «Если же общая взволнованность стиля (действительно отмеченная чрезмерным литературно-романтическим нажимом вкупе с обобщением людских судеб, приведенных как бы к впечатляющему общему знаменателю) вызывает у молодого сегодняшнего читателя нужную реакцию - сожаления, например, о загубленных жизнях их современников, о том, что прерваны были многие из них в самом расцвете, - если вносит этот роман свой вклад в нравственную биографию предвоенного юношества и показывает основные опоры его становления, то написан он не напрасно».¹

Именно так. И написан не напрасно, и вызывает адекватную читательскую реакцию веры в добро и гордость за поколение победителей. И если здесь «реакция сожаления», то в

---

⁴ Юдина В. Поколение победителей // Подъем. 1985. № 6. С. 138.

⁵ Орехова Н. Взросление // Нева. 1985. № 4. С. 165.

¹ Николаева С. Дети и война. М., 1991. С. 35.

поздних произведениях писателя о фронтовиках героическая, светлая патетика резко сменяется *патетикой негодования*. Прочитайте их («Неопалимая купина», «Суд да дело», «Вы чье, старичье?», «Старая «Олимпия», «Великолепная шестерка», «Ветеран» и др.) и попробуйте ответить на простой вопрос: почему поколение победителей стало поколением пессимистов с явным оттенком ремарковского «потерянного поколения»?

Литература

1. Богатко И.А. Мужество века. М.,1986. С. 63, 74, 102.
2. Бочаров А.Г. Литература и время (проза 60 - 80-х). М.,1988. С. 133, 144, 161 - 162, 223 –225.
3. Гейдеко В.А. Направление поиска. М.,1985. С. 3 – 14.
4. Глэд Джон. Беседы в изгнании (о Ю. Любимове). М.,1991. С. 287 – 288.
5. Гуревич Э.С. Боль и тревога наша: дети, война и литература. М.,1986. С.18, 24, 58.
6. Дедков И. Наше живое время // Новый мир. 1985. № 3. С. 237.
7. Исмаилов Н. Любить и ненавидеть // Москва. 1988. № 1.
8. Карнюшин В. А. Долг чести, долг памяти и память всех чувств: Военная проза Бориса Васильева. Смоленск, 2002. С. 25-44.
9. Кондратович А.И. Портреты. Воспоминания. Poleмика. М.,1987. С. 354 – 358.
10. Николаева С.А. Дети и война. М.,1991. С. 29 - 35.
11. Орехова Н. Взросление // Нева. 1985. № 4.
12. Савченко Ю. Давайте наши души сохраним // Вечерняя школа.1988. № 3.
13. Савин В. Правда одна на всех // Литературная Россия, 1985, 31 мая.
14. Черненко М.М. О нашем прошлом // Спутник кинозрителя.1988. № 11.
15. Шмыров В.И. "Завтра была война" // Искусство кино.1988. № 6.
16. Эдлис Ю. Завтра, которое всегда в настоящем // Литературная газета. 1986, 7 мая.
17. Юдин В.А. Если в разведку - то с ним! // Подъем.1985. № 1.
18. Юдин В.А. Поколение победителей // Подъем. 1985. № 6.